

MAIN STREET

Коллекция «Ультрафиолет»

Ранее в серии MAIN STREET
ВЫШЛИ

Коллекция «АМЕТИСТ»

Дженнифер Арментроут. ОБСИДИАН

Дженнифер Арментроут. ОНИКС

Дженнифер Арментроут. ЖАРКИЙ ПОЦЕЛУЙ

Дженнифер Арментроут. ОПАЛ

Дженнифер Арментроут. ОТСЧЕТ

Коллекция «ДЕНИМ»

Катя Миллэй. ОКЕАН БЕЗМОЛВИЯ

Ава Деллайра. ПИСЬМО НА НЕБЕСА

Жасмин Варга. МОЕ СЕРДЦЕ И ДРУГИЕ ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ

Коллекция «СКАРЛЕТ»

Дженнифер Арментроут. ЖДУ ТЕБЯ

Моника Мерфи. ДЕВУШКА НА НЕДЕЛЮ

Саманта Тоул. БЕГСТВО К ЛЮБВИ

К.-А. Такер. ДЕСЯТЬ МАЛЕНЬКИХ ВДОХОВ

Коллекция «ДАРК»

Дженнифер Арментроут. НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ

Коллекция «УЛЬТРАФИОЛЕТ»

Александра Бракен. ТЕМНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ

МЭТТ ХЕЙГ
ЭХОБОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Х35

Matt Haig
ECHO BOY

First published as Echo Boy by Random House Children's
Publishers UK

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Хейг, Мэтт.

Х35 Эхобой : роман / Мэтт Хейг ; [пер. с англ. М. Душиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 384 с. — (Серия MAIN STREET : Коллекция «Ультрафиолет»)

978-5-17-090228-6

Одри 16 лет. Она читает настоящие бумажные книги, слушает музыку и мечтает изучать философию, чтобы оставаться человеком в мире, который изменился до неузнаваемости.

Топливные войны 2040-х, засуха в Европе в 2060-х, катастрофа с генетически модифицированной пшеницей, гугл-бунты, магнитотреки, иммерсионные капсулы, и роботы, роботы, роботы — такова теперь повседневная реальность.

А еще Эхо — удивительные создания, возникшие на пике технологий. Они обладают идеальной внешностью, состоят из плоти и крови, и отличаются от людей только крошечной микросхемой, вживленной в мозг. Они созданы, чтобы беспрекословно подчиняться и служить.

Дэниелу 16 недель. Он Эхо. Но отличается от своих искусственных собратьев. Он чувствует боль и гнев, умеет любить и знает, что создан не для того, чтобы быть вещью.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© **Matt Haig, 2014**

© **М. Душина, перевод на русский язык**

© **ООО «Издательство АСТ», 2015**

978-5-17-090228-6

Посвящается Андреа, Перл и Лукасу

ОДРИ

Дневник воспоминаний 427

С каждым днем становится все очевиднее, что технический прогресс побеждает нашу человечность.

Альберт Эйнштейн, 1938

Отпусти свои мысли, это просто песня,
Но единственный путь к счастью — признать,
что ты был неправ.

«Нео Максис», «Песня Элеоноре», 2112

ГЛАВА 1

Прошли две недели с того дня, когда моих родителей убили. Самые длинные две недели в моей жизни. Все изменилось. Буквально все. Разве что я сама осталась прежней. Я все та же Одри Касл. Я выгляжу по-прежнему: те же темные волосы, которые достались мне от отца, мамины карие глаза, слишком широкие плечи и мальчишеская походка. И я по-прежнему считаю, что было бы круто жить в прошлом. Я по-прежнему помню наизусть слова «Вторичного свечения» с одноименного альбома «Нео Максис», да и вообще большую часть их песен. Я все так же плачу, вспоминая, что случилось с Сан-Франциско, Рио, Джакартой, Токио, с первыми Барселоной и Нью-Йорком. Я все еще не знаю, любила ли я Бена или мне просто нравилась мысль, что я в кого-то влюблена.

Да. Достаточно совпадений, чтобы утверждать: я осталась собой. Но, по правде говоря, чувствую я себя по-другому. Я стала взрослей. Время не всегда идет с одинаковой скоростью. И две недели иногда кажутся половиной жизни.

А теперь отличия.

Последнее время я почти не чувствую голода, хотя раньше очень любила поесть. Я плачу, случайно уловив запах маминого кокосового крема. Или когда я думаю, что она работала брокером времени, но ее время истекло. Когда я вспоминаю мамин голос, ее глаза, когда она улыбалась, или те глупости, которые я могла наговорить ей во время ссоры, мне хочется до боли укусить себя за руку, чтобы в голове не осталось ни единой мысли.

Стоит только зажмуриться, и я вижу папино лицо — небритое, немного уставшее, со слипающимися глазами, мудрое, доброе и серьезное. Вижу, как он готовит. Вижу, как сидит, сгорбившись над рабочим столом и сосредоточенно глядя в камеру, — готовит очередную программу. Или как объясняет мне, что книги, написанные людьми, куда важнее, чем компьютерные программы. Помню, как он улыбался, преодолевая боль, лежа в больнице после аварии. Как пел эти жуткие старомодные песни из 2090-х. А чаще всего я вспоминаю, как он сидел на краю кровати, прислонив к ноге свою прозрачную синюю трость, почесывал бороду и задавал мне именно те вопросы, на которые я не хотела отвечать.

Да, конечно, я могу посмотреть 4D-записи о них. Могу войти в капсулу и обнять их, и даже почувствовать, как папина борода щекочет мой лоб, когда он целует меня перед сном, но это будет встреча с призраками. Мы победили 99% раковых заболеваний, опухоли головного мозга исчезают за неделю, а некоторые люди — так называемые «постсмертные» — смогли продлить свою жизнь на срок гораздо больший, чем отпущено природой, но мы по-прежнему бессильны перед смертью.

Или горем.

Или убийством.

Потому что это было убийство. Я в этом уверена.

ГЛАВА 2

Я не проводила оптимизацию памяти с тех самых пор, как мне было тринадцать. Хочется думать, что я смогу как-то себе помочь, если сконцентрируюсь и буду вспоминать все по порядку. Понятия не имею, сработает это или нет, но нужно хотя бы попробовать.

Когда я была на приеме у миссис Мацумото в Кладвилле, она сказала, что я должна сосредоточиться на событиях того дня. Итак, события... О'кей. Тошнота подступает к горлу. Сама мысль о том, что придется все это вспомнить, вызывает у меня содрогание. Но я должна.

В то утро я, как обычно, проснулась, и все было в порядке.

Дождь стих. Я лежала на кровати, вдыхая чересчур резкий запах лаванды и липового цвета, исходящий от старых дешевых простыней.

В голове крутилась какая-то песня. В кои-то веки не «Нео Максис». Какой-то медляк одной из этих новых магнетогрупп из Пекина — что-то про безответную любовь. Даже не знаю, почему мне всегда нравились песни про безответную любовь. Я даже никогда не знала, что это такое. Да, наверное, я никогда не знала безответной любви, как никогда не испытывала влечения к парню, не смоделированному на ком-

пьютере. Но, думаю, некоторые вещи можно чувствовать, даже не испытав их на самом деле.

В общем, была очередная серая, дождливая среда. Последние четыре месяца каждый день лил дождь, но мне не было до него никакого дела. Что толку обращать внимание на дождь, если живешь в северной части Англии, три четверти которой постоянно затоплены водой.

Я услышала, что мои родители ссорятся. Вернее, не ссорятся, а опять переливают из пустого в порожнее. Правда, я так и не услышала, о чем шла речь. Может быть, об Алиссе. Нашей Эхо.

Она прожила у нас чуть больше месяца. По мнению мамы, мы должны были купить ее еще раньше — сразу после аварии, — но отец твердо стоял на том, что мы вполне обойдемся нашим старым помощником по хозяйству, роботом Тревисом. Папа дал четко понять, что ему не особенно-то нравится присутствие Алиссы в доме. Если честно, я тоже была не в восторге.

Она была слишком похожей на человека, слишком настоящей. Просто мурашки по спине.

Она вошла в комнату и строго на меня посмотрела, хотя я-то прекрасно знала, что на самом деле Эхо ничего такого чувствовать не могут. Эта модель выглядела как красивая женщина лет тридцати со светлыми волосами; в чертах ее лица не было ничего угрожающего. Лицо идеальное, а кожа гладкая и сияющая, как у всех Эхо. У них кожа не совсем такая, как у людей, и кровь не такая, но меня всегда поражало, насколько Алисса была похожа на живого человека. Как будто из настоящей плоти и крови. Вот к Тревису я привыкла, но роботы — совсем другое дело. Алисса же была точно такой, как и я, не считая кубического сантиметра аппаратуры и микросхемы, вживленных в ее мозг.

— Через тридцать пять минут у вас первый урок — китайский язык. Пора готовиться.

Она задержалась чуть дольше, чем требовалось.

— Хорошо, я... скоро.

Быстро проснуться — это не про меня, так что я отдала шторам команду открыться и уставилась на серый, залитый дождем мир. Вокруг стояли и другие дома, но мы были едва знакомы с соседями.

Это было еще перед тем, как я надела свои информационные линзы. Хотя иногда мне не хотелось ни технологий, ни информации. В последнее время новости меня только угнетали.

Новые вспышки холеры в Европе.

Энергетический кризис.

Гибель специалистов по терраформированию на Марсе.

Ураганы. Цунами.

Трепотня об Эхо.

Испанское правительство, уничтожающее дома в Андалусийской пустыне.

Иногда — как, например, в то утро — мне просто хотелось видеть мир таким, какой он есть, во всем его залитом дождем великолепии. И никаких ментальных проводов, никаких информационных линз.

Я никогда не относилась к людям, которые готовы до отказа напичкать себя разными техническими приспособлениями. Нет, честно. У меня бы все равно не получилось, да и папа с огромным подозрением относился к большинству технических новинок. Например, он всерьез уверял, что когда-нибудь Эхо возьмут над людьми верх и всех нас уничтожат. По его мнению, ни в одной крупной технокомпании о людях и не думали, что бы там официально ни заявляли. И он всегда выходил из себя, если я слишком всем этим интересовалась. Мама думала по-другому. Она могла часами сидеть в иммерсионной капсуле, бродя по древним городам или занимаясь йогой с самим Буддой. Она считала, что на папины нападки не стоит обращать внимания, но он был убедителен.

Мы жили в доме на сваях. Это был не самый маленький в мире дом на сваях, но все же устроен он был именно так. О папиной работе трубили все СМИ, но он делал ее бесплатно. А мама крутилась с утра до вечера, но временное брокерство приносило намного меньше денег, чем раньше.

Моя спальня была в пятидесяти восьми метрах над землей. Или в сорока девяти метрах над водой. Иногда уровень воды поднимался еще выше, иногда опускался. Порой вода уходила совсем, и оставалась только размытая почва. Хотя едва ли мои ноги касались этой земли. На нее и наступить-то можно было с трудом, не говоря о каких-то там прогулках.

Снаружи проходил старый стальной магнитотрек, включенный в транспортную систему. По нему можно было запросто доехать до Лондона — триста с лишним километров меньше чем за десять минут. Однако после аварии поездки на машине стали нас напрягать.

Вот так мы и жили. Каслы в своем собственном замке¹, со своим собственным рвом.

Ров.

Однажды папа сказал, что в современном мире можно остаться человеком, только окружив себя рвом. И наполнить его мыслями, которые не имеют ни малейшего отношения к технологиям.

Кому-то это могло бы показаться смешным, ведь папиным братом был Алекс Касл. Тот самый Алекс Касл — владелец корпорации «Касл», ведущей технологической империи в Европе, которую на мировом рынке обогнала только «Семпура». Но папа не особо жаловал дядю Алекса, да и тот его недолюбливал — в основном из-за папиных статей, в которых тот выступал против искусственного разума, генной терапии, возрождения вымерших биологических видов.

---

¹ Castles in our castle — игра слов, castle — замок, Castle — фамилия главной героини.

А ведь именно этим Алекс Касл и занимался. Плюс ко всему дядя стоял на третьем месте в рейтинге самых богатых людей Европы, а папа все время был в долгах.

Конечно, в нашем доме водилась и современная техника: информационные линзы, ментальные провода, холовидение, иммерсионная капсула, магнитомобиль, внешние и внутренние левиторды и прочие самые обычные вещи. И еще у нас была Эхо. Наверное, папа все же лукавил. Но в том, что у нас появилась Эхо, больше моей вины. Я жива, а папа мертв, поэтому едва ли у меня есть право кого-то судить.

ГЛАВА 3

Как и многие, я училась дома. Уроки с нашей Эхо и занятия в иммерсионной капсуле — этакая образовательная смесь.

В тот день у меня были уроки климатологии и китайского с Алиссой, а после них — история двадцать первого века в иммерсионной капсуле, довольно старой штуковине цвета индиго, занимающей все пространство от пола до потолка, сразу, как выходишь из моей комнаты.

Итак, я встала, надела джинсы и футболку посвободней. Мама забежала ко мне в комнату и сказала, что у нее в реальном мире назначены две встречи по временным брокерским операциям. Одна — в Тайбэе с утра, другая — с клиентом в Новом Нью-Йорке. Однако она собиралась быть дома к двум, и мы успели бы позаниматься йогой после обеда.

Мама пыталась приучить меня к тому, чтобы я уделяла йоге больше времени. Как-никак, правительство, а особенно Бернадин Джонсон рекомендовали практиковаться не менее пяти часов в неделю. Папа говорил, что премьер-министрам лучше не доверять даже в вопросах йоги. Но иногда мне казалось, что он просто хотел слегка подколоть маму. У той и правда здорово получались всякие йоговские

упражнения, я же унаследовала от папы тугие связки под коленями и стойкую нелюбовь к любым физическим нагрузкам.

— Нам надо поработать над позой «собака мордой вниз».

Я пытаюсь вспомнить каждую мелочь из того, что произошло в тот день. Ведь это был наш последний день вместе. Мама принарядилась — скорее всего, для клиента в Новом Нью-Йорке, ведь в Тайбэйе она работала почти все время.

Она была слегка на взводе.

— Я опаздываю, — выпалила она со скоростью триста километров в час. — Хорошенькое дело для брокера времени! Так, не забудь распорядиться, чтобы Алисса приготовила обед для вас с папой. Он наверняка весь день проторчит в кабинете — будет заканчивать свою чертову книгу.

Мама не хотела, чтобы папа ее писал. Сколько же из-за этого было споров! Эта книга — сочетание текста и голографии — посвящалась разным технологическим кошмарам, которые входили в нашу жизнь: усиление полиции роботами, извечные проблемы с Эхо, а также животрепещущий вопрос о правомерности возрождения неандертальцев. Папа задумал эту книгу именно из-за неандертальцев, и из-за них же назвал ее «Дивный новый кошмар¹: их права, наша несправедливость». Мама считала, что он наживет себе еще больше противников, которых и без того хватало, а когда мама начинала переживать из-за папиной работы, она всегда раздражалась. Когда родителей не стало, я кое-что поняла об их взаимном раздражении: зачастую за ним скрывалась любовь.

---

1 Англ. Brave New Nightmare («Дивный новый кошмар») — отсылка к произведению О. Хаксли Brave New World («О дивный новый мир»).